

ТРАССА БЕЗ ВОЗВРАТА 2

НИК БУРОВ

Ник Буров

Трасса без возврата. Книга вторая

«Автор»

2026

Буров Н.

Трасса без возврата. Книга вторая / Н. Буров — «Автор», 2026

Минус сорок пять. Лёд на стенах барака толще пальца. Корпорация требует крови — или денег. Трое механиков и водителей — последние, кто помнит, что на самом деле произошло той ночью в буране. Против них — идеальный следователь, переписывающий реальность синей шариковой ручкой.

Но у стажёра Малого есть козырь: он знает закон. И он готов сжечь всё, включая собственную репутацию, чтобы доказать — статья 39 УК (Крайняя необходимость) важнее корпоративного регламента. Холодная, жесткая и реалистичная история выживания, где каждый лист бумаги может стать или приговором, или спасением.

© Буров Н., 2026

© Автор, 2026

Ник Буров

Трасса без возврата. Книга вторая

Глава 1. Горячий лёд

Металлический бок обогревателя обжигал кожу даже через толстое сукно одеяла.

Рудник «Северный» гудел. Тяжелая, ровная вибрация от работающей мегаваттной станции прошивала железный пол бытовки насквозь. Чугунные батареи скрипели от расширяющегося кипятка. Тепло было плотным, сухим, царапающим горло.

Малой спал. Впервые за трое суток.

Его прямоугольные очки в тонкой оправе, сурово перемотанные куском синей изолянтной ленты на переносице, лежали на тумбочке. Разорванная и насквозь пропитанная черным мазутом парка стояла колом в углу.

Раздался грохот.

Дверь бытовки с лязгом ударилась о железный косяк. Ледяной сквозняк резанул по лицу, заставив кожу мгновенно стянуться.

— Подъем, стажер! — гаркнул над ухом Воронов.

Малой рефлекторно вскинул руку, защищаясь. Нашупал очки, нацепил их на нос и с трудом разлепил веки. Стекло линз обожгло переносицу холодом.

Перед ним стоял Воронов. Механик сжимал в руках тяжелый лом. Его ватник покрылся белой коркой инея, а на скулах ходили желваки.

— Кончился курорт, теоретик. Комиссия с Большой земли приперлась.

Снаружи взревел турбинами вертолет Ми-8, заглушая слова. Гул лопастей проник в бытовку через стены, заставив вибрировать жестяную кружку на столе.

Малой сбросил одеяло. Босые ноги коснулись шершавого, горячего линолеума.

— По регламенту расследования аварий на опасных производственных объектах... — начал он хриплым со сна голосом, но осекся, услышав собственный голос — он звучал чужеродно в этом металлическом грохоте.

— Регламент прилетел на голубом вертолете, — перебил Воронов, жестко ударив ломом в пол. Железо лязгнуло, перекрывая шум. — И уже шьет нам умышленное уничтожение техники. Одевайся. Нас ждут в штабном вагоне.

В лазарете, который представлял собой такую же железную бочку с красным крестом на двери, скрипели пружины панцирной сетки.

Громов сидел на краю койки. Его правая нога была туго замотана белыми бинтами поверх жесткой шины. Лицо Батяка оставалось каменным. Он молча, стиснув челюсти так, что скрипнули зубы, пытался натянуть левый, здоровый ботинок.

— Вам нельзя вставать, Алексей Николаевич, — жестко сказал Малой, входя в модуль.
— Повреждение мышечной ткани бедра. Нагрузка вызовет внутреннее кровотечение.

Громов даже не поднял головы. Его крупные, мозолистые руки намертво вцепились в шнурки.

— Если я к ним не выйду на своих двоих, они спишут меня по профнепригодности, — глухо бросил старший. Его голос прошел сквозь гул обогревателя, царапая слух. — Подай костыль.

Они вышли на мороз.

Воздух был плотным, как наждачная бумага. Он оседал на связках липкой, горькой изморозью. Минус сорок теперь ощущались как легкая прохлада. Под ногами хрустел жесткий наст. У штабного вагончика стояли четверо в безупречно чистых пуховиках. Ни пятнышка мазута. Ни царапины.

Малой с силой толкнул пластиковую дверь.

Внутри гудел кондиционер, гоняя сухой, обезвоженный воздух, который царапал горло. За столом из ламинированного ДСП сидел человек.

На нем была безупречно выглаженная, хрустящая светло-серая рубашка. Гладкая, розовая кожа лица, никогда не трескавшаяся от минус пятидесяти. Тонкие, бескровные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями перебирали листы с сухим, шелестящим звуком.

Следователь службы безопасности Станислав Зимин.

— Петров Михаил? — голос Зимина не имел интонаций. Сухой и ровный, как стрекот матричного принтера.

Он не смотрел на вошедших. Его взгляд был прикован к ровной стопке актов.

— На каком основании проводится опрос? — Малой шагнул к столу, уперев сбитые костяшки в гладкий пластик столешницы. Въевшаяся в трещины кожи гаражная грязь резко контрастировала со стерильной белизной стола. — По статье 227 ТК РФ формирование комиссии по расследованию требует приказа работодателя. При этом у нас не выдержан минимальный период межвахтового отдыха. Где приказ?

Зимин медленно поднял голову. Холодный, немигающий взгляд ударил сквозь безупречно чистые линзы дорожных очков. Острота этого взгляда была такой же физической, как удар ледяного ветра.

Раздражающий, монотонный щелчок металлической кнопки авторучки ударил по лакированному столу.

— Приказ есть, Петров. А вот вашего двигателя на КамАЗе больше нет.

Зимин вытащил из-под стопки бумаг глянцевую фотографию и брезгливо толкнул ее по гладкому столу. Пластик сухо шаркнул о пластик.

На снимке был разорванный в клочья блок цилиндров с торчащими кусками искореженных шатунов.

— Ущерб оценивается в двенадцать миллионов рублей, — монотонно произнес следователь. — И судя по результатам экспресс-анализа из картера, вы залили туда трансформаторный диэлектрик. Это не авария, Петров. Это статья 167 Уголовного кодекса: умышленное уничтожение чужого имущества. Так кто из вас отдавал приказ лить диэлектрик в бак?

Малой почувствовал, как холодок от пластика столешницы поднимается вверх по рукам, скользя плечи. Это был не допрос. Это была зачистка. И он, кабинетный теоретик, только что встал на пути у корпоративного бульдозера.

Глава 2. Человек с папкой

Глянцевая поверхность фотографии холодила сбитые костяшки. Малой скользнул взглядом по разорванному блоку цилиндров, затем посмотрел на следователя.

Станислав Зимин не повышал голос и не бил кулаком по столу. Его тонкие, бескровные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями с сухим, шелестящим звуком перебирали листы.

— Статья 39 Уголовного кодекса РФ, — ровным голосом произнес Малой, поправляя перекошенные очки в тонкой оправе, сурово перемотанные синей изолентой. — Крайняя необходимость. Устранение опасности, непосредственно угрожающей жизни и здоровью. Вливание диэлектрика было единственным способом завести тягач при минус пятидесяти пяти и спасти людей.

Раздражающий, монотонный щелчок металлической кнопки авторучки ударил по лакированному столу.

— Крайняя необходимость, Петров, требует соразмерности причиненного вреда, — Зимин брезгливо сдвинул фотографию в сторону. — А вы спасали свои жизни за счет бюджета корпорации.

Следователь выложил на гладкий пластик столешницы три хрустящих белых листа.

— Акт первый: умышленное уничтожение топливного насоса высокого давления в результате разгерметизации. Акт второй: уничтожение двигателя внутреннего сгорания КамАЗа путем заливки диэлектрика. Акт третий: порча имущества, а именно прицепа и негабаритного груза.

Воронов, стоявший позади Малого, громко и протяжно скрипнул зубами. Этот звук пробились сквозь гул кондиционера, острый, как скрежет металла по стеклу.

— Итоговая сумма ущерба, Петров, сопоставима со стоимостью небольшого завода. Двадцать восемь миллионов рублей.

— По ГОСТам эксплуатации техники в условиях критических температур... — начал Малой, методично вбивая в проверяющего статьи федеральных нормативных актов.

— Забудьте про ГОСТы, — холодный, немигающий взгляд ударил сквозь безупречно чистые линзы дорогих очков. Зимин невозмутимо похлопал узкой ладонью по стопке бумаг. — У меня есть внутренний приказ гендиректора. Ваша колонна грубо нарушила должностной регламент.

Зимин откинулся на спинку стула. Гладкая, розовая кожа его лица, никогда не трескавшаяся от мороза, выражала абсолютное спокойствие.

— Выбор у вас простой, Петров. Либо вы прямо сейчас пишете чистосердечное признание, берете вину на бригаду, и мы оформляем увольнение с добровольным возмещением ущерба. Либо завтра утром я даю бумагам ход, и это уже полноценная уголовка с реальным сроком.

Малой уперся грязными пальцами, в трещины которых намертво въелась гаражная грязь, в край холодного стола. От прежнего интеллигентного мальчика-стажера не осталось и следа.

— Ваша уголовка развалится на первом же дознании, — сухо отрезал Малой, глядя прямо в глаза Зимину. — Экспертиза покажет, что в баке была летняя бодяга вместо арктического топлива. Это не наша халатность. Мы спасали технику, которую убило ваше же снабжение.

Зимин перестал щелкать ручкой. В допросной повисла тяжелая, гудящая тишина, нарушаемая только монотонным шумом потолочного кондиционера.

Следователь медленно открыл серую картонную папку с завязками. Острая кромка пластикового скоросшивателя царапнула по столу.

— Летняя соляра, говорите? — голос Зимина стал еще тише, превратившись в сухой шелест. — Очень интересно. Особенно в свете вот этого документа.

Он извлек один-единственный лист и развернул его текстом к Малому.

— Это официальные показания диспетчера вашей базы. Он утверждает под роспись, что залил вам качественное топливо. А вы, Петров, вместе с Грозовым и Вороновым, слили его и продали налево «черным» старателям перед самым выездом. Так что диэлектрик вылили не ради спасения. Вы замечали следы хищения группой лиц по предварительному сговору. Ознакомьтесь.

Малой смотрел на лист. Шрифт был ровным, казенным. Внизу — подпись диспетчера Красного. Уголки губ стажера сжались в жесткую линию.

— Зимин перевел игру в другую плоскость. Он не оспаривал факты. Он менял саму их природу, превращая спасение в преступление, а преступление — в доблесть. Малой чувствовал

это кожей: он вступил на территорию, где правда была просто переменной, которую можно подставить под нужный результат.

— Подпись диспетчера ничего не доказывает, — Малой подался вперед, вдавливая костяшки в столешницу. — Он выполнял приказ начальства. А мы — спасали людей.

— Вот и докажите это в суде, Петров, — Зимин аккуратно, кончиками пальцев положил лист обратно в папку. — Если, конечно, до суда доживете. Сейчас вы — подозреваемые в особо крупном хищении. И это, поверьте, меняет правила игры.

Глава 3. Первый допрос

Пластиковый стул жалобно скрипнул под весом Малого.

В штабном модуле натужно гудел обогреватель, высушивая воздух до состояния наждачной бумаги. Гладкая столешница из ламинированного ДСП обжигала холодом сбитые костяшки пальцев, въевшаяся гаражная грязь на которых теперь казалась черной броней.

Зимин сидел напротив. Его безупречно чистые линзы очков ловили тусклый свет потолочной лампы. Тонкие, бескровные пальцы методично выравнивали стопку распечатанных актов, издавая сухой, шелестящий звук.

Щелчок металлической авторучки прозвучал как взвод курка.

— Итак, Петров, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес следователь. — Вернемся к вашему стилю работы. Вы нарушили ТБ. Вы грубо пренебрегли правилами. Вы рисковали жизнями людей и вверенным имуществом.

Малой молчал, но внутри закипала холодная, тяжелая ярость. Он привычным движением поправил перекошенную оправу очков, сурово перемотанную синей изолентой. Пластик дужки больно вдавился в кожу за ухом.

— ГОСТ 33133-2014, дороги автомобильные общего пользования, — Малой подался вперед, рубя фразы на выдохе. — Правила эксплуатации техники в условиях критических температур. При падении температуры ниже минус сорока пяти градусов допускается экстренный прогрев топливной аппаратуры для предотвращения гибели экипажа от переохлаждения. Вливание диэлектрика и прогрев были продиктованы физикой выживания.

Следователь не дрогнул. Он медленно выдвинул ящик стола с противным, режущим слух пластиковым скрежетом.

На гладкий пластик легла толстая прошнурованная тетрадь в синей картонной обложке.

— Журнал инструктажа, — шелестящим голосом произнес Зимин. Он развернул страницы и ткнул аккуратно подстриженным ногтем в строчку. — Внутренний приказ генерального директора о запрете открытого огня. Категорический запрет на использование факелов и паяльных ламп под картерами транспортных средств.

Зимин сдвинул журнал по гладкому столу к Малому. Картонная обложка сухо шаркнула по пластику.

— Ваша подпись стоит в графе «ознакомлен», Петров.

Малой посмотрел на свою кривую закорючку. Буквы плясали — он ставил ее в теплой диспетчерской, даже не читая эту канцелярскую портянку перед рейсом.

— Этот локальный акт конторы противоречит федеральным нормам крайней необходимости! — жестко парировал стажер. — Без огня мы бы превратились в ледяные статуи через час! Федеральный закон и статья 39 УК РФ стоят выше ваших внутренних приказов!

Раздражающий щелчок авторучки снова ударил по столу.

— Это первый бой, Петров, и вы думаете, что ваша теория вас спасет. Вы пытаетесь прикрыться физикой и ГОСТами. Но мы здесь не физику обсуждаем. Физика не оплатит двадцать восемь миллионов ущерба.

Малой уперся руками в стол. Понимание пришло мгновенно, ледяной иглой вонзившись в затылок: здесь физика ему не поможет. В этом кабинете работало другое оружие.

— У вас нет доказательств, что именно огонь убил ТНВД, — стажер перешел в глухую канцелярскую оборону. — Насос умер из-за летней солянки. Отсутствие экспертизы делает ваши обвинения голословными.

Гладкая, розовая кожа на лице Зимина даже не дрогнула. Он убрал журнал обратно в стол и извлек оттуда новый, хрустящий лист бумаги с гербовым штампом.

— Мне не нужна техническая экспертиза железа, Петров, — голос следователя упал до сухого шелеста матричного принтера. — У меня есть свидетель.

Малой замер. Спина мгновенно покрылась липким холодным потом. В той снежной могиле были только они вдвоем и старатели, которые утонули вместе со своей «мотолыгой».

— Свидетель со стороны, — Зимин положил узкую ладонь на распечатанный протокол допроса. — Очевидец, который видел, как вы нарушали регламент, и который подтвердил все факты под роспись. Он ждет за дверью.

Следователь нажал кнопку интеркома на столе. Пластик сухо шелкнул.

— Пригласите водителя корпорации. Очная ставка.

Малой смотрел на красную лампочку интеркома, которая загорелась ровным, немигающим светом. Внутри что-то оборвалось. Свидетель. Зимин заготовил его заранее, еще до того, как они переступили порог этого кабинета. Это означало только одно: весь допрос был спектаклем. Следователь не искал правду — он оформлял приговор.

Глава 4. Свидетель со стороны

Пластик интеркома сухо шелкнул. Дверь штабного вагончика открылась с противным скрипом промерзших петель.

В допросную шагнул человек.

В нем всё было слишком правильным. Чистый, идеально сидящий дорогой фирменный костюм спецзащиты с яркими, ни разу не потертыми светоотражающими полосами. Сытое, бритое лицо, никогда не обгоравшее на морозном ветру. Громкий, уверенный шаг человека, за спиной которого стоит огромная корпоративная машина с безлимитным бюджетом.

Водитель из «золотой» конторы. Штрейкбрехер.

Он опустил на пластиковый стул рядом с Малым. Плотный материал его дорогой куртки издал раздражающий, шуршащий звук.

Малой инстинктивно вжался в свой стул. Его разорванная, насквозь пропитанная мазутом синяя парка стояла колом, а въевшаяся в трещины костяшек гаражная грязь казалась черной проказой на фоне этого стерильного корпоративного великолепия.

Зимин даже не поднял глаз. Его тонкие, бескровные пальцы с сухим шелестом переложили на центр холодного ламинированного стола свежий протокол.

— Гражданин Ковалев, — голос следователя звучал ровно, как метроном. — Вы подтверждаете показания, данные вами ранее?

— Подтверждаю, — голос водилы резанул слух. Громкий, уверенный, отдающий презрением. — Я шел в колонне следом. Когда метель усилилась, их КамАЗ встал. Я подошел ближе и лично видел, как они жгли факелы прямо под картером. Открытый огонь.

Зимин сухо шелкнул металлической кнопкой авторучки.

— Что-то еще?

— Да, — Ковалев самодовольно откинулся на спинку стула. — Я четко слышал, как вот этот парень, — он ткнул чистым пальцем в перчатке в сторону Малого, — кричал, что это грубейшее нарушение регламента и техники безопасности. Орал, что они сейчас всё взорвут.

В углу допросной, у самого обогревателя, раздался тяжелый металлический скрежет.

Это Воронов, стоявший в тени, намертво сжал в кулаке свой тяжелый гаечный ключ на тридцать два. Левый уголок его рта пополз вверх в хищном оскале. Механик сделал короткий шаг вперед. Одно движение — и этот ключ вошел бы прямо в эту сытую корпоративную челюсть.

Но Малой резко повернул голову. Он поймал взгляд механика сквозь свои перекошенные, сурово замотанные синей изолентой очки. Один жесткий, ледяной взгляд.

Стой.

Воронов замер, громко скрипнув зубами, но ключ не опустил.

Малой повернулся к столу. От прежнего интеллигентного зубрилы-стажера не осталось и следа. Теперь это был канцелярский киллер, натасканный тайгой. Он перешел в наступление, используя Трудовой кодекс и ГОСТы как заточку.

— Очная ставка, значит, — Малой положил свои грязные, сбитые кулаки на гладкий пластик столешницы. — Гражданин Ковалев, какое расстояние было между вашей машиной и нашим КамАЗом?

Штрейкбрехер презрительно скривился.

— Метров десять-пятнадцать. Я близко не подъезжал, чтобы вашей паленой солярой не обдало.

Малой подался вперед. Вес тела перенес на руки, вдавливая костяшки в пластик.

— Скорость ветра в тот день составляла двадцать восемь метров в секунду. Завывание бурана создавало шумовой фон свыше девяноста децибел. Плюс работающий на прогревочных оборотах двенадцатицилиндровый дизель вашего тягача. Плюс закрытые двери вашей теплой, звукоизолированной кабины.

Зимин перестал щелкать ручкой. Гладкая, розовая кожа его лица слегка напряглась.

— Вопрос по существу, Петров.

— Это и есть существо! — Малой чеканил слова, вбивая их в гладкую столешницу. — Физика акустического затухания в условиях плотной снежной взвеси и штормового ветра исключает возможность артикулированного восприятия человеческой речи на расстоянии свыше трех метров! Вы физически не могли расслышать, что именно я кричал из-под машины! Ваши показания сфабрикованы под диктовку СБ!

Сытое лицо Ковалева пошло красными пятнами. Он открыл рот, чтобы огрызнуться, но Зимин опередил его.

Следователь невозмутимо поправил свои безупречно чистые линзы дорогих очков. Он медленно, с царапающим звуком открыл серую пластиковую папку и вытащил оттуда тонкий флеш-накопитель.

— Ваша акустическая физика, Петров, это прекрасно, — шелестящим голосом произнес Зимин, глядя на стажера немигающим взглядом. — Но Ковалев не просто слышал. Ковалев зафиксировал факт открытого огня на сертифицированный видеорегистратор своего автомобиля. С фиксацией геопозиции и системного времени. И на этой матрице отлично видно ваше пламя под топливной аппаратурой. Будете оспаривать цифровую оптику?

Малой смотрел на флешку. Черный прямоугольник пластика лежал на столе, и в нем, в этом куске кремния и металла, была записана их гибель. Только сейчас стажер понял всю глубину западни. Зимин подготовил не просто свидетеля — он подготовил видео. Каждое слово, каждый жест Малого теперь не имели значения, потому что на пленке было зафиксировано

именно то, что нужно следователю. Огонь под картером. Без звука, без контекста. Только пламя и дата. И этого было достаточно, чтобы превратить спасение в преступление.

— Видеозапись можно сфальсифицировать, — глухо выдавил Малой. — Геопозицию и время — подменить.

— Можно, — Зимин аккуратно убрал флешку обратно в папку. Сухой шорох картона. — Но это будет доказывать ваша защита. А пока у следствия есть неоспоримое доказательство того, что вы нарушили прямой запрет на открытый огонь. И это, Петров, называется состав преступления.

Воронов за спиной Малого снова скрипнул зубами. Но теперь в этом звуке была не только ярость. Было и понимание: они попали в железную клетку, где каждый шаг был снят, зафиксирован и разложен по папкам.

— Допрос окончен, — Зимин закрыл папку. Картонная обложка с глухим стуком ударила по столу. — Можете идти. Ждите вызова.

Малой медленно поднялся. Пластиковый стул с протяжным скрипом отодвинулся назад. Он посмотрел на Ковалева. Тот сидел, откинувшись на спинку, и криво улыбался. На побежденных всегда приятно смотреть, когда ты на стороне победителей.

Малой развернулся и пошел к выходу. Тяжелые ботинки с глухим стуком ударили по линолеуму. Воронов шагнул следом, и железная дверь с лязгом захлопнулась за их спинами.

Глава 5. Ночной разговор в гараже

Холодный металл разобранного двигателя обжигал руки даже через толстое сукно перчаток. В гараже надрывно гудела тепловая пушка, но ее мощности хватало лишь на то, чтобы иней на стенах не превращался в монолитный ледяной панцирь. Пламя горелки металось за защитной решеткой, вырывая из темноты рваные куски пространства.

Воронов с глухим, тяжелым стуком бросил на железный верстак ключ на тридцать два. Металл звякнул, и звук поплыл под высокими сводами гаража, затухая в ворохах старого хлама. Механик вытер руки грязной, промасленной ветошью. Каждое движение было резким, рубленым.

— Я одного не пойму, студент, — голос Воронова царапал слух, как ржавый напильник. — Какого хера ты там, в допросной, распинался про свои децибелы и акустику? Надо было просто вбить следаку в голову, что этот ряженный петух Ковалев за нами в шторм не ехал. Нас было трое на трассе. И точка.

Малой сидел на перевернутом оцинкованном ведре. Его прямоугольные очки, сурово перемотанные куском синей изоленты, тускло блестели в свете гаражной переноски. От прежнего интеллигентного мальчика не осталось и следа. Въевшаяся в трещины костяшек грязь делала его руки похожими на куски застывшей лавы.

— И точка? — голос Малого прозвучал сухо, как скрежет пластикового скоросшивателя. — Виктор, вы привыкли бить ломом. А Зимин бьет бумагой. У него на столе лежит протокол с подписью. Юридически Ковалев там был.

Громов сидел на стопке старых покрышек. Его правая нога была туго перебинтована, шина упиралась в бетонный пол. Батёк молчал. Обветренное лицо оставалось каменным, только пальцы, лежащие на колене, медленно сжимались и разжимались.

— Если бы я просто сказал «его там не было», Зимин бы даже не почесался, — Малой подался вперед, с силой уперев локти в колени. — Это было бы наше слово против слова корпоративной машины. А контора всегда верит своим людям в чистых костюмах. Плюс их сфабрикованная видеозапись. Я пошел другим путем.

Малой взял с верстака тяжелый ржавый болт и жестко впечатал его в железную столешницу. Металл звонко лязгнул, и звук повис в воздухе, смешиваясь с гулом тепловой пушки.

— Я бью по содержанию. Я доказываю, что Ковалев лжет в деталях. Он физически не мог слышать мой голос сквозь штормовой ветер и работу дизелей. Если его показания технически абсурдны, значит, фальшивый и весь протокол. Мы выйдем у них из-под ног сам фундамент обвинения.

Воронов хмыкнул. Из кармана ватника он достал россыпь гаек и начал методично перебирать их жесткими пальцами. Металл сухо постукивал о металл — дробный, нервный ритм.

— Дай мне пять минут наедине с этим ряженым штрейкбрехером, Батёк, — механик скривил губы в хищной ухмылке. — Я ему этот ключ плашмя в глотку забью. Он у меня сам все свои показания сожрет и добавки попросит.

Костыль Громова с глухим стуком ударил по холодному железу верстака.

— Не трогать, — голос старшего прозвучал сухо, как треск ломающегося наста. — Он нам нужен живой, чтобы говорить на дознании. Малой, что ты нарыл по летней соляре?

Стажер сидел у железного верстака. Его перекошенные очки в тонкой оправе, сурово замотанные синей изолентой на переносице, тускло блеснули в свете гаражной переноски. Грязные, сбитые пальцы Малого с сухим шелестом развернули на холодном металле столешницы смятый лист бумаги. Края листа были рваными — он вырвал его из журнала второпях, в подсобке, пока никто не видел.

— Выписка из реестра закупок ГСМ по руднику, — Малой припечатал бумагу ладонью. — По регламенту поставок в условиях Крайнего Севера, подрядчик обязан закупать топливо класса «Арктика».

Воронов презрительно фыркнул, громко лязгнув ключом о бочку.

— Регламент. А в бак нам ливанули дешевую летнюю бодягу, которая при минус сорока встала колом.

— Именно, — Малой подался вперед, чеканя слова. — Но по этим актам приемки, на базу зашла идеальная зимняя соляра. Разница в цене осела в чьих-то карманах. Это чистая 159-я статья УК РФ. Мошенничество в особо крупных размерах. Если мы докажем подлог номенклатуры, дело Зимина против нас рассыплется из-за отсутствия состава преступления — мы спасали технику от их же диверсии.

Громов тяжело оперся на край верстака. Металл жалобно скрипнул под его весом.

— Бумага красивая, студент, — глухо произнес старший. — Чья подпись стоит в графе «принял»? Кто пустил эту мочу на склад?

Малой поправил очки. Его голос упал до сухого канцелярского шепота.

— В этом и проблема, Алексей Николаевич. Подпись принимающего принадлежит начальнику участка. Тому самому «эффективному менеджеру».

Воронов громко, скрежещуще расхохотался, ударив кулаком по колену.

— Командиру в чистом пуховике? Так он же, гнида, улетел на первом же борту МЧС! Сделал ручкой и испарился!

Малой жестко провел грязным ногтем по гладкой поверхности распечатки. Царапина осталась на глянцевой бумаге.

— Улетел. Оставив нас отдуваться за двадцать восемь миллионов ущерба. Без его показаний эта выписка — просто кусок макулатуры. Зимин скажет, что водители сами слили идеальную зимнюю соляру «налево» и залили суррогат. Бумага без человека — ничто.

В гараже повисла тяжелая, вязкая тишина, прерываемая только натужным гулом обогревателя. Пламя за решеткой металось, выхватывая из темноты то лицо Малого, то профиль Воронова, то массивную фигуру Громова.

Громов перехватил костыль крупной, покрытой въевшимся мазутом рукой. Батёк сурово прищурился, глядя на мерцающую спираль тепловой пушки. В глубине его глаз, скрытая за веками, ворочалась тяжелая мысль.

— Пиджак улетел, — произнес Громов, чеканя каждый слог. — Но тот, кто физически вливал эту дрянь в наши баки перед рейсом из заправочного пистолета, всё еще сидит здесь. За пультом.

Слова Громова упали в тишину, как тяжелые камни. Малой почувствовал, как в затылке пульсирует мысль: диспетчер. Тот самый Красный, который трясся над каждым литром, который подписал журнал выдачи, который сейчас, наверное, сидит в своей каморке и трясется от страха перед Зиминим. Он был ключом. И он был здесь. В отличие от начальника участка, который сбежал в небо на вертолете МЧС, диспетчер остался на руднике. Запертый в своей конуре, запуганный службой безопасности. И этот страх можно было использовать.

Глава 6. След на снегу

Жесткая, потрескавшаяся от мороза обложка амбарной книги холодила пальцы даже через ткань перчаток.

Малой стоял под тусклым светом дребезжащей люминесцентной лампы. В гараже монотонно выла тепловая пушка. Стажер медленно, с сухим шелестом перелистывал плотные, шершавые страницы старого журнала учета топлива, который он откопал в куче хлама за инструментальным стеллажом.

Бумага под пальцами была шероховатой, въевшаяся в волокна пыль оседала на коже мелкой черной крупой. Малой проводил ногтем по каждой строке, вчитываясь в корявые цифры и размашистые подписи.

Воронов с глухим лязгом бросил на верстак тяжелый разводной ключ.

— Ну что, Пинкертон? — голос механика скрипел, как несмазанная петля. — Нашел чистосердечное признание нашего завгара?

Малой не ответил. Он с силой провел грязным ногтем по строчке с датой их злополучного выезда и резко остановился.

— Смотрите, — голос стажера прозвучал сухо и отрывисто.

Громов тяжело подошел ближе. На каждый его шаг металлический пол отзывался гулким эхом из-за костыля. Крупные, покрытые шрамами пальцы Батяка легли на край журнала.

Тонкий, обмороженный палец Малого уперся в графу «Марка ГСМ». Там, где должна была стоять четкая надпись «ДТ-З» (зимнее) или «ДТ-А» (арктическое), зияло грязно-синее, втертое в структуру бумаги пятно.

Но под разводами дешевой шариковой ручки чудом уцелели резкие контуры букв.

— «Летняя», — прочитал Громов. Его обветренное лицо превратилось в камень. — Диспетчер вписал правду. А потом кто-то это старательно затирает.

Воронов хищно оскалился. Его рука рефлекторно сжалась в кулак с таким хрустом суставов, что звук пробился сквозь гул обогревателя. Механик развернулся к выходу, тяжелые ботинки с грохотом ударили по полу.

— Затирал, значит? — механик шагнул к двери. — Я сейчас пойду в диспетчерскую и затру этому гниде лицо об асфальт. Он у меня сам этот журнал сожрет без запивки.

— Стоять! — голос Малого ударил, как хлыст. Резкий, жесткий, он перекрыл и гул пушки, и скрежет шагов Воронова.

Стажер захлопнул книгу. Плотный картон издал звук, похожий на выстрел.

— Бить его бесполезно, Виктор. Диспетчер уже запуган СБ до полусмерти. Зимин держит его на коротком поводке, и он уже дал официальные показания против бригады. Тронете

его пальцем — получите 119-ю статью УК: угроза убийством в отношении свидетеля. Зимин только этого и ждет.

Воронов замер у двери. Пальцы его сжимались и разжимались, сжатые кулаки дрожали от напряжения.

— И что ты предлагаешь с этой макулатурой делать? — Воронов развернулся, ткнув жестким пальцем в обложку журнала. — В суд понесешь? Следак тебе этой книжкой по губам поводит. Скажет, ты сам чернила размазал, чтобы алиби состряпать.

Малой поправил очки, сурово перемотанные изолентой. Металл оправы тускло блеснул под дрожащим светом лампы.

— Бумага — это только предлог, — чеканил стажер, вбивая слова в холодный воздух гаража. — Мне нужен человек. Зимин строит дело на том, что мы украли зимнюю соляру и залили суррогат. Если диспетчер публично признается, что выдал нам летнее топливо по прямому приказу начальства, вся их многомиллионная пирамида ущерба рухнет.

Громов тяжело оперся на верстак. Железо под его рукой жалобно скрипнуло, прогибаясь под весом старшего.

— Этот червь не заговорит, студент. У него ипотека и двое детей на материке. Он лучше нас утопит, чем пойдет против конторы.

— Заговорит, — Малой положил ладонь на холодный картон журнала. Жесткая обложка впиалась в кожу. — У меня есть рычаг. Статья 238 УК РФ. Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни. Если он выдал летнее топливо в шторм, зная, что мы можем замерзнуть — это не халатность. Это покушение.

Воронов хмыкнул, но в его голосе уже не было прежней агрессии. Механик прошел обратно к верстаку, опустил на перевернутое ведро. Железо жалобно звякнуло под его весом.

— И как ты собираешься его запугать? Ты ж говорил, он уже под колпаком у Зимина.

— Я не буду его пугать, — Малой снял руку с журнала и посмотрел на свои грязные пальцы. Въевшаяся в трещины гаражная грязь казалась черной краской, въевшейся в кожу. — Я объясню ему разницу между увольнением и сроком. Между его детьми, которые будут видеть отца по выходным, и детьми, которые будут видеть его через стекло в колонии. Между статьей 159, где он может пройти свидетелем, и статьей 238, где он станет обвиняемым.

Громов молчал. Его лицо в свете дрожащей лампы казалось высеченным из гранита. Старший смотрел на стажера, и в глубине его глаз мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Ты уверен, что он сломается?

— Уверен, — Малой сжал челюсти. — У него есть что терять. У нас — нет. Тот, кто готов потерять всё, всегда сильнее того, кто боится потерять хотя бы часть.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец. Воронов медленно кивнул, глядя на свои грязные руки. Громов хрустнул пальцами, перехватывая костыль.

— Завтра, — Малой спрятал журнал обратно за стеллаж. Картонная обложка глухо стукнула о металлическую полку. — Завтра я поговорю с Красным. Один на один.

Глава 7. Закрытый периметр

Тяжелая железная щеколда лязгнула с таким звуком, будто рудник «Северный» превратился в колонию строгого режима.

Малой дернул на себя холодную ручку двери жилого модуля. Заперто снаружи. Стажер ударил в металл кулаком. Жесть отозвалась глухим, пустым гулом.

Снаружи захрустел снег под тяжелыми берцами охраны.

— Приказ службы безопасности! — глухо донеслось из-за двери. Голос охранника дребезжал сквозь мороз, пробиваясь через щели в металле. — Бригаде Громова покидать модуль запрещено. До выяснения. Пища и вода — по графику, через коменданта.

Воронов сидел на скрипучих нарах. Тяжелый гаечный ключ перекатывался на его ладони, металл сухо щелкал о жесткую ткань ватника при каждом движении. Механик криво усмехнулся, глядя на дверь.

— До выяснения чего, начальник? — крикнул Воронов, не повышая голоса, но так, чтобы слова пробились сквозь железо. — Когда мы тут с голодухи копыта откинем?

— Юридически это незаконное лишение свободы. Статья 127 Уголовного кодекса, — Малой поправил перемотанные синей изолентой очки. Пальцы нащупали острый край пластиковой папки с документами, которую он успел прихватить из гаража. — Внутренний приказ компании не может ограничивать конституционное право на свободу передвижения.

С нар донесся хриплый кашель. Громов приподнялся, опираясь крупными, покрытыми вьевшимся мазутом руками о ледяную стену. Его пробитая нога была туго перебинтована. Каждое движение отдавалось тупой пульсирующей болью в бедре, но Батёк не подал виду.

— Твой кодекс, студент, сейчас за этой железной дверью мерзнет, — выдавил Громов. Голос его звучал глухо, с металлическим оттенком, как удар лома о бетон. — Зимин нас изолирует. Режет связи. Чтобы мы не успели поговорить с диспетчером и с мужиками.

За тонкой перегородкой модуля послышался нарастающий гул голосов. Вахтовики, которых они вытащили с того света, собрались у комендатуры. Их голоса пробивались сквозь железо, спрессованные в сплошной шум.

— Какого хера мы сидим без связи?! — прорычал за стеной басовитый голос. Вибрация от крика проходила через металл, отдаваясь в пальцах. — Вертушки отменили! В столовую по пропускам! Это рудник или зона?!

— Это всё из-за Громовских! — визгливо перебил кто-то другой. Голос был высоким, истеричным, он резал слух сквозь гул. — Они технику на миллионы угробили, а мы теперь с ними в одном карцере паримся! Сдайте их СБ, и пусть нас домой отправят!

Скрежет чужих ботинок по снегу. Ропот нарастал, вплетаясь в гул ветра за стенами. Толпа требовала козлов отпущения.

Малой физически ощутил, как сжимается пространство. Воздух в модуле стал тяжелым, спрессованным. Он давил на барабанные перепонки с той же силой, с какой вода давит на глубине. Каждый вдох отдавался в груди колючей болью. Зимин не просто запер их. Он запустил механизм травли. Голодные, вымотанные холодом люди разорвут их быстрее любого следователя.

Под дверью модуля шурхнула бумага. В щель над порогом скользнул белый прямоугольник, коснувшись промерзшего линолеума сухим шелестом.

Малой опустил на колени. Промерзший пол обжег колени через тонкую ткань штанов. Он стер пальцами ледяную крошку с линолеума и поднял лист. Острая кромка плотной бумаги резанула по коже.

Это был официальный бланк. Сухой хруст листа в абсолютной тишине модуля казался оглушительным. Бумага была ледяной, она холодила пальцы, вьёвшиеся в волокна чернила пахли типографской краской, оседающей на языке горьким привкусом.

— Что там, теоретик? — Воронов перестал подкидывать ключ. Металл замер в его ладони.

— Постановление о расторжении вахтовых контрактов в одностороннем порядке, — голос Малого стал жестким, как наждак. Он вчитывался в строчки, и каждое слово впивалось в сознание ледяной иглой. — Зимин лишил нас статуса сотрудников. С этой минуты мы находимся на территории рудника незаконно.

Воронов резко встал с нар. Деревянные доски жалобно скрипнули под его весом. Механик сделал два шага к двери, сжимая ключ в кулаке.

— Твою мать... — выдохнул Воронов. — Он нас выкинул? Просто выкинул за ворота?

— Хуже, — Громов поднял голову. Его глаза в полумраке модуля блеснули холодным огнем. — Если мы теперь не сотрудники, нас можно вывезти в тайгу и оставить там без оформления. Никаких протоколов. Никаких расследований. Просто исчезновение трех мужиков в буране.

В дверь модуля с чудовищной силой ударили чем-то тяжелым. Металл прогнулся, издав протяжный, скрежещающий стон. Звук удара прокатился по модулю, заставив дребезжать жестяные кружки на столе. Еще один удар — и щеколда содрогнулась, готовая сорваться с петель.

Малой смотрел на дверь. Прогибающийся металл. Осыпавшаяся краска. И за этим железом — озверевшая толпа, готовая разорвать их в клочья, потому что так сказал Зимин.

Стажер сжал пальцы на ледяной бумаге так, что она хрустнула. Внутри поднималась холодная, расчетливая ярость. У него больше не было ни статуса сотрудника, ни защиты закона, ни времени. Была только эта ночь и железная дверь, которая могла рухнуть в любую секунду.

Глава 8. Показания фельдшера

Пластиковый стул в импровизированной допросной скрипел под весом шуплого фельдшера. Того самого, который пару дней назад собирался отпилить Громову ногу хирургической ножовкой.

Напротив сидел следователь СБ Зимин. На нем была безупречно выглаженная, хрустящая светло-серая рубашка. Его гладкая, розовая кожа дико контрастировала с обветренными, промерзшими физиономиями вахтовиков. В абсолютной тишине комнаты раздавался лишь раздражающий, монотонный щелчок металлической кнопки его авторучки по лакированному столу.

Зимин допрашивал фельдшера, который хотел ампутировать ногу Громову. Острый шелест плотной бумаги резал по ушам.

— В протоколе записано с ваших слов, — ровным, немигающим взглядом Зимин смотрел сквозь безупречно чистые линзы дорогих очков. — Вы утверждаете, что Воронов спас его, заткнув рану ветошью и спиртом, но техника была убита.

Следователь наклонился вперед, опираясь тонкими, бескровными пальцами с аккуратно подстриженными ногтями о край стола.

— То есть вы подтверждаете, что ампутация была необходима, а они рискнули? — надавил Зимин.

Фельдшер заколебался. Он затравленно посмотрел на свои дрожащие руки. Пальцы нервно теребили край застиранного халата. Одно слово «да» — и он спасет свою должность, утопив бригаду за незаконное врачевание, повлекшее риск смерти.

Малой медленно поправил на переносице прямоугольные очки, намертво перемотанные куском синей изоленты. Его сбитые в кровь пальцы нащупали острую кромку столешницы. Пластик под пальцами был ледяным, он охлаждал кожу, отдаваясь в костях тупой болью.

— Статья 39 Уголовного кодекса Российской Федерации. Крайняя необходимость, — голос стажера прозвучал сухо и жестко, как лязг затвора. — Причинение вреда для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности. Опасность не могла быть устранена иными средствами, так как ампулы с лидокаином лопнули от мороза еще вчера.

Авторучка Зимина перестала щелкать. Тонкие пальцы замерли над столом.

— Вы забываетесь, Петров, — холодно процедил следователь. — Медицинский регламент был грубо нарушен. Риск сепсиса...

— Риск смерти от болевого шока при ампутации тупой ножовкой на живую составлял сто процентов, — отрезал Малой, подавшись вперед. Локти с силой вдавились в столешницу,

вес тела перенесся на руки. — Действия бригады были соразмерны угрозе. Ваша попытка квалифицировать это как умышленное причинение вреда рассыплется на первом же слушании.

Зимин аккуратно, кончиками пальцев придвинул распечатку показаний. Глянцевая бумага с сухим шорохом скользнула по ледяному пластику столешницы.

— Читайте внимательно, Петров. Ваш же медик черным по белому фиксирует: «Техника была убита».

Малой вцепился взглядом в ровные строчки. Острая кромка стола больно врезалась в ребра.

— Он имеет в виду технику соблюдения санитарных норм, — отчеканил стажер, сурово поправляя намертво замотанные синей изолентой очки. Пластик дужки больно вдавился в кожу за ухом. — В ветхой железной «бочке» при минус десяти градусах стерильность невозможна.

— Он имеет в виду кустарную вивисекцию, — Зимин снова щелкнул кнопкой авторучки. Монотонный металлический звук гулким эхом ударил в абсолютную тишину. — Заливать открытую рану техническим спиртом и намертво бинтовать ветошью — это преступная халатность.

Стул жалобно скрипнул. Щуплый фельдшер с впалыми щеками нервно втянул голову в плечи, избегая взгляда стажера.

— Если бы Воронов не стянул порванные сосуды, Батёк умер бы от потери крови, — голос Малого стал жестким, как наждак. Он вбивал слова в пространство допросной, не оставляя фельдшеру места для маневра. — Ваш эскулап собирался пилить живую кость ножовкой, потому что ампулы с обезболивающим замерзли и лопнули.

— Протокол обязывает стабилизировать пациента и ждать эвакуации, — бесстрастно парировал следователь, глядя сквозь безупречно чистые линзы своих дорогих очков.

— Эвакуации на чем?! — Малой с силой ударил кулаком по столу. Тонкий пластик отозвался пустым гулом. Вибрация от удара прошла по рукам, отдаваясь в плечах. — Дежурный бульдозер рудника замерз, гидравлику прихватило намертво, цилиндры встали как бетонные. Спутниковый интернет отключили за неуплату, контора копейку сберегла! «Техника убита» — это в первую очередь про ваши мертвые трактора!

Зимин перестал щелкать ручкой. Его тонкие, бескровные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями медленно легли на идеальную кожаную папку. Гладкая, розовая кожа лица следователя не дрогнула, но под ней, скрытая от посторонних глаз, пульсировала холодная, расчетливая мысль.

— Пока свободны, — следователь нахмурился, откинувшись на спинку стула. Пластик кресла жалобно скрипнул. — Завтра продолжим.

Малой медленно поднялся. Пластиковый стул с протяжным звуком отодвинулся назад. Он посмотрел на фельдшера. Тот сидел, вжав голову в плечи, и не поднимал глаз. Сломанный человек. Запуганный. Готовый подписать что угодно, лишь бы его оставили в покое.

Стажер развернулся и пошел к выходу. Тяжелые ботинки с глухим стуком ударили по линолеуму. За его спиной щелкнула авторучка Зимина — снова. И этот звук, монотонный, раздражающий, преследовал его до самой двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.